

Мария Вильчинская

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЕК

АЛЕКСАНДРА
И КУРТ СЕИТ

Мария Вильчинская Александра и Курт Сеит

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10722460
Александра и Курт Сеит/ Мария Вильчинская.: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-092244-4, 978-5-17-091895-9

Аннотация

Декабрь 1916 года. Семнадцатилетняя Шура Верженская приезжает в охваченный волнениями Петроград, где танцуют на балах и грабят в темных подворотнях, а убийцы спокойно разгуливают по светским салонам.

В надвигающемся предреволюционном хаосе ей предстоит встретить свою судьбу. Но что может принести любовь русской аристократке и офицеру-мусульманину, когда Российская империя неотвратимо катится в пропасть...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мария Вильчинская Александра и Курт Сеит

Пролог Предсказание

1914 год, январь

– Ну как, видишь суженого? – Ниночка нетерпеливо заглянула сестре через плечо.

– Не вижу. – Шура честно попыталась всмотреться в глубину зеркала. – Никого там нет, кроме нас с тобой.

Она поежилась и поджала босые ноги. Не очень-то уютно сидеть в одной сорочке, хорошо что они хотя бы дома это затеяли, а не в бане, как собирались поначалу.

– И не увидит, – авторитетно заявила Таня, листая толстенную книгу. – Написано же: «Гадание на суженого-ряженого по зеркалам надо проводить в чистой рубашке без пояса, с распущенными волосами, в полночь...»

– Как раз полночь.

Но Таня только возвысила голос, отменяя робкие Ниночкины возражения:

– «...в одиночестве!» А нас здесь четверо.

– Все равно это глупости и деревенские суеверия, – пренебрежительно сообщила Валентина, и тоном, и всем своим видом демонстрируя, что уже переросла подобные детские забавы. – И мама была бы против, такие гадания не одобряются церковью, а уж образованные люди и вовсе не должны...

– Какая ты скучная, Тиночка, – прервала ее Таня. – А как же Пушкин? И Жуковский! Татьяна Ларина гадала на суженого, Светлана тоже.

– И чем для Светланы это закончилось? – насмешливо парировала Валентина и процитировала: – «Глядь, Светлана... о творец! Милый друг ее – мертвец!»

Слушая их перепалку, Шура только вздыхала. Почему-то все время так получалось, что придумывала всякие затеи Таня, а отдуваться приходилось ей. Вот и сейчас – они все вместе решили погадать на будущего жениха, достали зеркала, зажгли свечи, положили тарелку, а потом вдруг выяснилось, что Валентина слишком взрослая для таких «глупых игр», а Таня, видите ли, вообще не собирается замуж, а хочет стать актрисой.

Хорошо, что мама ее не слышала – пусть Таня им и родственница, но после такого заявления ее и в гости бы приглашать перестали. Вдруг она на самом деле пойдет на сцену, она может, у нее такой характер...

Шура вновь вздохнула. Ей бы такой характер! Почему она не умеет отстаивать свою точку зрения, как Таня? Может потому, что она самая младшая и ее все равно никто не слушает?

Плохо быть младшей – тебя всегда считают самой маленькой и глупой и все стремятся тобой командовать. Валентина ведь старше нее всего на год, а Таня на два, но обе ведут себя так, словно они уже взрослые, а она – неразумный ребенок. А ей, между прочим, уже тринадцать, сто лет назад в этом возрасте можно было замуж выходить!

Хотя чем бы она отговорила от гадания? Как Ниночка – что из зеркала высунется черт и даст ей пощечину? Ох, бедная Ниночка, она в их семье самая старшая, но после того, как переболела менингитом, превратилась снова в малое дитя...

А тем временем спор о гадании уже перешел в литературный диспут, и Таня с Валентиной наперебой цитировали балладу Жуковского о Светлане, выбирая места пострашнее. Закончилось это, конечно, тем, что они насмерть перепугали Ниночку.

– За Светланой правда пришел мертвый жених и утащил ее в могилу?

Шура поспешно обняла сестру и вытерла ей слезы:

– Не бойся, Светлане просто приснился страшный сон. Потом к ней приехал жених, живой и здоровый, и они поженились.

Валентина и Таня, видимо, слегка устыдились, во всяком случае они прекратили спорить, и совместными усилиями им вскоре удалось успокоить Ниночку. Шура уже надеялась, что и с гаданиями на сегодня покончено, но не тут-то было.

– Татьяне Лариной, кстати, тоже после гадания приснился страшный сон, – заметила Таня, возвращаясь к литературному спору.

– Но зато в нем был Евгений Онегин. – Валентина задула свечи. – Шура, убери зеркало, не надо, чтобы слуги знали, чем вы тут занимались.

А она сама, конечно, как всегда ни при чем! Впрочем, если Шура, как обычно, промолчала, то Таня не преминула ангельским голосом поправить:

– Чем мы все четверо занимались, Тиночка. А что касается сна Татьяны Лариной, то Онегин-то ей приснился, но она же не вышла за него замуж. Нет, сны будущее не предсказывают, они говорят совсем о другом. В Австрии есть такой доктор Фрейд, он лет десять назад написал книгу «Толкование сновидений», так вот он утверждает, что сны... – Она как-то странно хихикнула, посмотрела на Шуру и Ниночку и вновь приняла серьезный вид. – Я тебе потом об этой книге расскажу, не при детях.

– Я не ребенок! – возмутилась Шура. Но ее никто даже не слушал. «Евгений Онегин» интересовал Валентину и Таню гораздо больше.

– У Пушкина описано другое, более надежное гадание. – Таня обвела всех загадочным взглядом и продекламировала:

Чу... снег хрустит... прохожий; дева
К нему на цыпочках летит,
И голосок ее звучит
Нежней свирельного напева:
– Как ваше имя? Смотрит он

И отвечает...»

– «Агафон», – ехидно закончила Валентина. – Надежнее некуда.

– Вот именно. – Таня словно не заметила насмешки. – А как звали мужа Татьяны Лариной?

Этот вопрос поставил всех в тупик, что было довольно неожиданно. Дело в том, что Юлиан Матвеевич, отец сестер Верженских, был большим поклонником Пушкина. Можно даже сказать, что жизнь и творчество Александра Сергеевича являлись единственной темой, которую он вообще обсуждал с дочерьми. Прочие его интересы сводились к делам службы, политике и охоте, но эти вопросы в любом случае не годились для дамского общества.

Жена же его, в свою очередь, несколько не интересовалась Пушкиным и считала, что и так достаточно потакала увлечению мужа, согласившись назвать младшую дочь Александрой в честь великого поэта.

Вот и получилось, что сестры выросли большими знатоками творчества Пушкина, и уж, конечно, знали имена всех его героев. Поэтому вопрос насчет имени мужа Татьяны Лариной и вызвал такую растерянность в их рядах.

– Ну что, не знаете? – Таня победно оглядела подруг. – А я уверена, что его звали Агафоном! Пушкин не зря упомянул это имя. Это намек!

– Глупости, – неуверенно отозвалась Валентина. – Этому нет никаких доказательств.

Шура, понимая, что сейчас литературный спор пойдет по очередному кругу, поспешила вмешаться:

– Так что ты говорила о надежном гадании?

– Ах, да. – Таня прижала палец к губам и страшным шепотом поведала: – Самое надежное гадание – это выйти после полуночи на перекресток и узнать имя первого, кто тебе встретится. Это и будет имя твоего будущего мужа!

Валентина пожала плечами:

– Кто вообще там окажется в такое время? Все спят.

– А вот и нет! – Таня вскочила и накинула на плечи шаль. – Святки! Сейчас многие гуляют. Ну что, идем?

– Куда? – удивилась Валентина.

– На перекресток, конечно!

Шура по-наполеоновски скрестила руки на груди и твердо сказала:

– Я никуда не пойду!

Но это, конечно, оказалось совершенно безнадежно. Переспорить Таню ей никогда не удавалось, а уж если ту поддерживали сестры – тем более. Она, правда, попыталась возражать, говорить, что они обязательно попадутся и мама будет ругаться, но Таня в ответ выдвинула железный аргумент: тогда они скажут отцу, что это было практическое исследование творчества Пушкина, и их сразу простят.

Валентина неожиданно тоже высказалась за «эксперимент», так что в конце концов Шура сдалась, оделась потеплее и уныло поплелась вслед за остальными через черный ход, заваленный снегом сад и дырку в заборе, к дороге, ведущей из поместья в деревню. Чувало ее сердце, что «исследование» опять придется проводить ей.

И действительно, недалеко от перекрестка Таня остановилась и сказала:

– Шура, мы подождем здесь, а ты иди на перекресток и спроси имя у того, кто первым пройдет мимо.

– Почему опять я? – хмуро поинтересовалась Шура, понимая, что все равно не отвертеться. – Не пойду.

– Ты же знаешь, я замуж не собираюсь, Ниночка боится, а Тина в гадания не верит. – Таня взяла ее за руки и умильно заглянула в глаза. – Шурочка, душа моя, мы ведь уже пришли. Тебе всего лишь надо несколько минут постоять на перекрестке, вот и все. Тебе же интересно знать, как будут звать твоего суженого? Ну пожалуйста! Смотри, луна скоро зайдет за деревья. Если до того как она скроется, никто так и не придет, мы просто вернемся домой.

– Хорошо. – Легче было сдаться, чем еще полчаса спорить, а потом весь день терпеть обиженные взгляды. – Но только пока луна не зайдет.

– Я знала, что ты просто дусечка. – Таня поцеловала ее в щеку и подтолкнула к перекрестку. – А мы подождем здесь, для чистоты эксперимента.

Шура вышла на перекресток и остановилась, кутаясь в шубку. Холодно. Хорошо хоть ветра нет. И так тихо. Только время от времени доносятся лай собак и скрипучие голоса каких-то лесных птиц.

Она оглянулась на видневшуюся на пригорке деревню. Дым из труб поднимается строго вверх и тает в кристально чистом небе. Черном-черном, но таком прозрачном, что, казалось, можно разглядеть каждую звездочку, даже те, что обычно не видны. А когда луна скроется за лесом, звезды засияют еще ярче.

Может, какая-нибудь из них упадет? Ждать путника бесполезно, вон, в деревне ни одного проблеска света, все уже спят, хоть и Святки. А если упадет звезда, можно будет желание загадать. Надо только придумать какое, чтобы не терять времени.

Шура, конечно, знала, что звезды не падают, это метеориты, у всего есть научное объяснение, но... Все-таки Таня права, из них четверых только ей имеет смысл гадать, потому что только она продолжает верить в чудеса.

И вдруг, словно в ответ на ее мысли, яркая полоса прочертила бархатное черное небо. Падающая звезда! И Шура даже успела загадать желание – любовь! Настоящую, большую и на всю жизнь! Сколько людей живут и умирают без любви, но с ней-то этого точно не случится. Она обязательно встретит свою любовь, звезда в такую ночь не могла упасть просто так.

Шура вдруг почувствовала чей-то взгляд, резко обернулась и едва удержалась от смеха.

Боже, какое падение с небес на землю. Она себе такого нафантазировала, что почти ожидала увидеть прекрасного принца, а это оказалась... собака! Серая дворняжка – вот кто встретился ей на перекрестке! Достойный финал сегодняшних глупых гаданий и ее детских выдумок!

Она хотела окликнуть сестер и Таню, но тут собака подняла голову, и слова в буквальном смысле замерли у Шуры на губах. В лунном свете глаза «собаки» блеснули желтым огнем. Она несколько секунд смотрела прямо на Шуру. Умным, внимательным и словно насмешливым взглядом. Как будто видела ее насквозь. А потом повернулась и тихо исчезла за подступающими к дороге кустами.

А вслед за ней исчезла и луна – нырнула за деревья, и все вокруг резко погрузилось в темноту. Шура медленно отступила, не решаясь повернуться спиной к тому месту, где еще недавно стояла «собака». Воздух комом застыл у нее в горле, мешая издать хотя бы звук.

– Рассказывай, Шурка, как будут звать твоего жениха? – Она едва не подскочила на месте, услышав над ухом веселый голос Тани. Валентина и Ниночка дружно рассмеялись. Видно, они устали ждать и сами подошли, как только спряталась луна.

– Наверное, Шарик. Или Тузик, – весело предположила Таня. – А что, имена не хуже других!

Шура покачала головой. Ей было не до смеха. Им не понять. А она не сможет объяснить.

– Пойдемте домой. – Она первая зашагала по тропинке, ведущей назад, в поместье.

Таня нагнала ее:

– Ну что ты, Шурочка, неужели сердишься? Мы же пошутили!

Шура оглянулась на перекресток. Сможет ли она забыть след от падающей звезды на черном небе и внимательные желтые глаза? И хочет ли она это забыть?

– Не смейся, Таня, если твое гадание верное... мой суженый – волк.

Глава 1

Офицер

1916 год, декабрь

Первый бал. Что может быть важнее для девушки? Мужчинам никогда не понять, как много он значит. Это все равно что первый бой для офицера. Боевое крещение.

Но попробуй скажи такое кому-нибудь – засмеют. Заявят, что это глупые девичьи фантазии, а любой мужчина еще непременно добавит, что смешно даже сравнивать бал и настоящее сражение.

Что бы они понимали!

Для того чтобы выйти под перекрестный огонь взглядов, прошагать сквозь строй пожилых дам, разглядывающих тебя через лорнеты, и не споткнуться на глазах барышень, желающих тебе упасть и стать всеобщим посмешищем, нужно не меньше храбрости, чем у солдата на передовой. И это не шутка – большинство девушек скорее предпочли бы пасть, сраженными пулей, чем опозориться на своем первом балу.

Не то чтобы Шура тоже боялась смерти меньше, чем насмешек, – все-таки почти семнадцать лет, проведенных в компании такой сестры, как Валентина, очень закаляют. Но все же она очень-очень боялась. Особняк Бобринских на Галерной улице ослеплял огнями, оглушал музыкой, льющейся из окон, притягивал и зачаровывал. А какие дамы поднимались по парадной лестнице – Шура глядела на их изящные фигуры, окутанные шелками, элегантные прически, сверкающие драгоценности и казалась самой себе неуклюжим серым воробушком рядом с райскими птицами. Ну кто обратит внимание на неуклюжую провинциалку в белом платье дебютантки, когда на балу, наверное, собрались все красавицы Петрограда?

– Александра, не смотри на все такими круглыми глазами и не выражай своего восторга так откровенно! – раздался у нее над ухом привычно-назидательный голос Валентины. – И вообще, держись спокойнее, увереннее. Не надо всем демонстрировать, что ты первый раз на балу. Это выглядит смешно и глупо. Учись быть сдержанной.

Шура с легкой обидой взглянула на сестру. Неужели она не понимает, как ей страшно? Или это ее способ поддержать в трудную минуту?

– Хорошо, буду ходить с таким же надменным видом, как ты. – Она вздернула подбородок повыше и скорчила презрительную гримаску.

Валентина изумленно захлопала глазами и изящно передернула плечами.

– Я тебе удивляюсь!

Шура и сама себе удивлялась. Видимо, она так перенервничала, что стала куда более дерзкой, чем обычно.

– Не слушай ее, моя дорогая, – пришел ей на помощь отец. – Это твой первый бал, вполне естественно, что тебе все кажется интересным. А ты, Валентина, лучше вспомни себя два года назад – не ты ли перед своим первым балом всю ночь уснуть не могла?

Валентина смущенно рассмеялась и взяла младшую сестру под руку.

– Хорошо, обещаю больше не надоедать своими нравоучениями. Но смотри, Шурка, теперь тебе придется самой за собой следить. Я умываю руки!

Шура тоже рассмеялась, но не совсем искренне. Чем ближе они подходили к дверям балльной залы, тем тревожнее ей становилось. Словно какая-то струна в груди натягивалась – сильнее и сильнее, так что трудно стало даже дышать, не то что говорить.

Сейчас, вот сейчас, еще несколько шагов, лакеи распахнут перед ними тяжелые двери, и произойдет что-то важное! Может быть, самое важное в ее жизни...

* * *

Мысль представить Шуру обществу на балу у Бобринских принадлежала Екатерине Васильевне Верженской, твердо решившей, что ни война, ни их собственные семейные неприятности не должны стать помехой в устройстве судьбы ее дочерей.

Валентину она успела вывести в свет самолично. Произошло это событие в конце 1914 года, когда все были окрылены первыми победами русской армии, верили в скорый конец войны и потому не стеснялись веселиться и праздновать.

На первый бал Екатерина Васильевна привезла дочь в Москву, где в то время проживал ее старший брат. К тому же общество там было более патриархальное, чем в Петрограде (только что на волне патриотизма переименованного из Петербурга) и куда более снисходительное к ошибкам дебютанток.

Предполагалось, что Валентина наберется там лоску, а потом можно будет съездить и в столицу. Но так вышло, что сначала они задержались в Москве – один бал следовал за другим, было из чего выбирать. А потом пришло письмо, что Юлиан Матвеевич тяжело заболел, и им пришлось срочно возвращаться домой.

Увы, с тех пор семье Верженских надолго стало не до светских развлечений. Болезнь Юлиана Матвеевича прогрессировала, и он вынужден был смириться с тем, что скорее всего ему недолго осталось. И хотя Екатерина Васильевна, будучи женщиной сильной духом, помогала мужу во всем, поддерживала его, всем говорила, что не теряет надежды, практический склад ума подсказывал ей, что надо быть готовой ко всему.

К счастью, будущее Валентины было почти устроено – еще в Москве она познакомилась с Константином Петровичем Клодт фон Юргенсбургом. На следующий год он приехал в Кисловодск, лечиться после ранения, и перед отъездом обратно на фронт попросил ее руки. Юлиан Матвеевич дал свое согласие, и хотя официальной помолвки еще не было, все вокруг открыто говорили о них как о женихе и невесте.

Константин Петрович происходил из обрусевшего курляндского баронского рода, был внуком знаменитого пейзажиста, имел неплохое состояние и большие перспективы на службе. То есть жених он был хоть куда.

Конечно, Валентину привлекли другие его достоинства, а именно приятная внешность, легкий характер и умение отлично танцевать, но как бы то ни было, их будущий союз радовал не только их самих, но и Юлиана Матвеевича с Екатериной Васильевной.

С двумя другими дочерьми Верженских дела обстояли далеко не так радужно. Как-нибудь устроить судьбу старшей дочери, Нины, особых надежд не было. Перенесенный ею в детстве менингит дал тяжелые осложнения на мозг. Врачи испробовали все, что могла предложить современная медицина, но, несмотря на долгое и дорогостоящее лечение, некогда живая умная девочка навсегда осталась с разумом семилетнего ребенка. Увы, приходилось смириться с тем, что Нина никогда не сможет выйти замуж и зажить собственным домом.

Оставалась младшая дочь, Александра. Ей недавно исполнилось шестнадцать, и при других обстоятельствах родители не спешили бы с устройством ее судьбы. Тем более что младшие дети в семье очень часто взрослеют позже своих ровесников, и Екатерина Васильевна не могла не замечать, что Шура, как называли девушку близкие, немного инфантильна и в душе все еще остается ребенком. Однако болезнь Юлиана Матвеевича заставляла торопиться.

Верженские были достаточно состоятельной семьей, чтобы Екатерина Васильевна не боялась остаться в бедности и безвестности после кончины мужа. К тому же у нее было неплохое собственное приданое.

Но хотя они не слишком зависели от жалованья Юлиана Матвеевича, его казенного выезда и льгот, которые им приносила его служба в железнодорожном ведомстве, именно он был не только главой, но и центром их семьи. Через него осуществлялось почти все их общение с остальным миром. В путешествиях они останавливались у его родственников, отдыхали летом в поместьях его друзей, он умел поддерживать знакомства одновременно с десятками приятных и полезных людей.

Не говоря уж о его успешных деловых предприятиях, в которых его жена и дочери не понимали ровным счетом ничего и которые уже теперь приходилось понемногу сворачивать, слишком уж они много требовали сил и здоровья.

Так что Екатерина Васильевна прекрасно понимала – надо выводить Александру в свет сейчас, пока Юлиан Матвеевич еще жив и может поддерживать свои дружеские и деловые связи. Дай Бог, она с ее красотой и свежестью быстро найдет хорошего жениха. А если ее подтолкнуть в правильном направлении (к счастью, характер у нее куда более покладистый, чем у Валентины), то жених будет не только хороший, но и обладающий достаточной деловой хваткой, чтобы Юлиан Матвеевич мог передать ему заботу о своих предприятиях.

Для этого она прежде всего написала в Петроград своей сестре Надежде Васильевне, супруге генерала Богаевского. Сестры были не то чтобы очень близки, семейными тайнами никогда не делились, но о родстве всегда помнили. Поэтому Надежда Васильевна вскоре откликнулась и прислала длинное письмо, в котором обстоятельно перечислила всех, по ее мнению, подходящих для племянницы женихов.

И первым в списке был хорошо знакомый Юлиану Матвеевичу сын его старого друга, Петр Андреевич Бобринский. Блестящий молодой человек из аристократического рода, с огромными связями, умный, высокообразованный, но одновременно вполне светский и с репутацией порядочного человека.

По словам Надежды Васильевны, Петр Андреевич обладал всеми задатками для того, чтобы сделать большую политическую карьеру, но, будучи младшим сыном, не имел для этого достаточных средств. Поэтому родители уже давно присматривали для него подходящую невесту и хорошим приданым. Конечно, богатых невест в Петрограде много, но графы Бобринские – потомки Екатерины Великой, они не женятся на дочерях каких-нибудь выскочек.

Екатерина Васильевна навела о Петре Андреевиче все возможные справки и осталась очень довольна результатом. Идеальный будущий муж. Порадовало ее и то, что он, будучи поручиком конной артиллерии, недавно подал в отставку по причине серьезного ранения, не позволяющего продолжить службу.

«Целее будет», – практично подумала Екатерина Васильевна. На дворе не 1914 год, угар ура-патриотизма уже давно прошел, зато давно стало понятно, что, обручившись с военным, можно стать вдовой прежде, чем женой.

В конце концов, Екатерина Васильевна решительно заявила мужу:

– Мы непременно должны познакомить Шуру с молодым Бобринским.

– С Петей? – удивился Юлиан Матвеевич. – Они же знакомы. Он гостил у нас в Кисловодске... Дай-ка вспомнить, кажется, как раз после войны с Японией.

– Вот именно – почти девять лет назад! Вряд ли он ее вообще помнит. Да и не важно это. Кому интересны детские знакомства? А вот когда он встретит нашу красавицу Шуру, увидит ее голубые глаза, золотые кудри... – Она мечтательно вздохнула, но закончила совершенно практичным тоном: – Конечно, на все воля Божья, но если она ему понравится, я буду очень рада.

– Надо еще, чтобы он ей понравился, – напомнил Юлиан Матвеевич.

Но на это у Екатерины Васильевны уже был готов ответ:

– Я показывала ей его фотографию, она сказала, что он стал очень симпатичным. Уверена, если он окажется таким же любезным и обходительным, как его отец, он придется Шуру по душе. – И чтобы предупредить возможный спор, добавила: – Я нисколько не собираюсь ее неволить. Но ты же сам понимаешь, долг родителей – знакомить дочерей с хорошими молодыми людьми. Бог знает, с кем они будут знакомиться сами, если дать им волю!

– Хорошо, – сдался Юлиан Матвеевич. – Доктор Янковский советует мне поехать в Петроград, к профессору Егорову, говорят, его новая методика творит чудеса и ставит на ноги самых безнадежных больных. Девочек возьму с собой. Действительно, пора уже Шуру выходить в свет, да и Валентина из-за моей болезни мало где успела побывать. Заодно могу написать Бобринским, спросить, можно ли девочкам будет погостить у них, если мне придется лечь на операцию – неприлично незамужним барышням жить одним, а твоя сестра наверняка, как всегда, будет в разъездах.

– Отличная мысль! – одобрила Екатерина Васильевна. – И надо торопиться, Бобринские дают благотворительный бал в пользу госпиталя Федоровского городка в самом начале декабря. Было бы очень хорошо, если бы Шура дебютировала в свете именно там. Так можно будет сразу ненавязчиво познакомить ее с Петром Андреевичем, он же будет встречать гостей вместе с родителями. К тому же балов из-за войны сейчас дают мало, нельзя ни одного упустить.

Юлиану Матвеевичу оставалось лишь вновь согласиться с планом супруги. Однако он все же счел нужным ее предупредить:

– Только об одном тебя прошу, душа моя, не пытайся заранее убедить Шуру, что молодой Бобринский – отличная для нее пара. Ты ведь знаешь современную молодежь. А вдруг она не захочет знакомиться с ним из чувства протеста?

– Наша Шура?! – возмутилась Екатерина Васильевна. – Наш ангел во плоти?

Юлиан Матвеевич вздохнул:

– А вдруг они просто друг другу не понравятся?

Выражение лица Екатерины Васильевны яснее любых слов сказало, что она думает о таком предположении. Но она все же решила не расстраивать больного супруга и пообещала не давить на дочь и не пытаться заранее повлиять на ее мнение. Тем более она утешала себя мыслью, что в случае неудачи с Петром Андреевичем в списке есть еще почти десяток подходящих женихов.

Поэтому ее дочери отправились на бал к Бобринским без всяких задних мыслей. Для них это был просто дебютный бал Александры и первый петроградский бал Валентины.

* * *

Бал обрушился на Шуру волной огней, звуков и ощущений. Она не ахнула от восторга только потому, что прилагала все усилия, чтобы быть сдержанной. А может быть потому, что предусмотрительная Валентина крепко сжала ее руку, входя в бальную залу.

Хотя сказать по правде, Валентина тоже чувствовала себя вовсе не так уверенно, как хотела показать. Бобринские явно привыкли жить на широкую ногу, и она мысленно признавала: этот бал превосходил все, что она видела в Москве.

Шуре же сравнивать было и вовсе не с чем – прежде она бывала только на музыкальных вечерах, где если и танцевали, то всего несколько пар, готовых потерпеть тесноту небольших комнат.

Здесь же перед ней предстала огромная зала, залитая светом. Под высоким потолком висели великолепные хрустальные люстры, в подвесках которых переливались и мерцали огоньки, а на стенах между окнами и зеркалами сияли электрические светильники. Оркестр

помещался на большом специальном балконе, и лившаяся оттуда музыка свободно летела по всей зале, маня молодежь бросить досужие разговоры и закружиться в танце.

Из залы вело несколько распахнутых настежь дверей, за одной из которых виднелся зимний сад, где почтенные пожилые дамы отдыхали от бальной суеты, а за другой – раскинутые карточные столы, за которыми отцы семейств могли скоротать время, пока их дети развлекаются танцами и флиртом.

Когда вошли сестры Верженские, оркестр как раз заиграл бойкую кадрили, и на паркет одна за другой выходили пары, выжидали нужных тактов и вступали в танец. Мелькали обнаженные плечи и руки дам, цветы в волосах, жемчуга и бриллианты, шарфы и меха. Кружились розовые, голубые, кремовые, сиреневые шелка, среди которых скромно прятались белые платья дебютанток и притягивали взгляды яркие туалеты светских львиц.

Калейдоскоп легких и нежных, словно весенние цветы, дамских нарядов разбавляли черные фраки и разноцветные парадные мундиры. Мужчин в форме на балу было гораздо больше, чем гражданских, и, пожалуй, это единственное, что на этом празднике жизни напоминало о войне.

Впрочем, офицеры, вырвавшиеся в отпуск в столицу, пока на фронтах царил временное затишье, явно не были настроены вспоминать об ужасах, оставленных ими в окопах. Глаза их сверкали ярче, чем эполеты и ордена, а беззаботный смех звучал как вызов скоротечности человеческого бытия. Здесь, в залитой светом зале танцевали с прекрасными дамами те, кому удалось ненадолго обмануть смерть, и они собирались в полной мере насладиться радостями жизни.

Шура словно в тумане слышала, как с ней здороваются хозяева дома, машинально присела в реверансе и произнесла положенное по этикету приветствие. У нее кружилась голова от непривычно яркого света, пестрого многоцветья нарядов, громкой музыки и легкого гула толпы, в котором слышались обрывки фраз, смех, шелест платьев и вееров, шуршание обуви по паркету и даже звон бокалов, раздающийся откуда-то из-за приоткрытой двери в соседнюю гостиную.

– Это ваш первый бал? – Елена Петровна Бобринская снисходительно улыбнулась, оглядела Шуру пронизательным взглядом и обернулась к ее отцу. – Юлиан Матвеевич, как вам не совестно было так долго скрывать от нас своих прелестных дочерей?

Она выслушала приличествующие случаю дежурные фразы о делах и здоровье, не позволяющих уделять достаточно времени светским развлечениям, и отмела их поистине королевским жестом красивых рук, затянутых в белые перчатки:

– Нет-нет, это не оправдание. Вы просто обязаны оставить их в Петрограде на весь сезон.

– Я был бы счастлив, графиня, – ответил Юлиан Матвеевич. – Но, боюсь, это невозможно. Я рассчитывал, что они поселятся у Надежды Васильевны, их тетушки, но она скоро уезжает к дочери в Москву, а оставлять двух юных девиц без женского присмотра...

Он не стал упоминать о своей болезни и необходимости лечь в госпиталь, говорить на балу на подобные темы было не совсем прилично, но Елена Петровна и так все поняла – несомненно, она тоже навела справки об их семье и была заинтересована углубить знакомство.

– Мы будем счастливы пригласить их погостить в нашем доме, – заявила она. – И я сама буду вывозить их на балы, как если бы это были мои собственные дочери. Кстати, – она повернулась к подошедшему молодому человеку во фраке, – позвольте представить вам моего сына Петра. Петя, познакомься, это Валентина и Александра Верженские.

– Я уже имею честь быть знакомым с сестрами Верженскими. – Молодой человек изящно поклонился и так тепло улыбнулся, что Шура сразу почувствовала себя увереннее. –

Но в моей памяти остались маленькие девочки с косичками, а сейчас передо мной две прекрасные феи.

– Наши косички превратились в косы, а неуклюжий подросток – в настоящего светского льва. – Валентина протянула Петру Андреевичу руку и одарила его самой любезной из своих улыбок.

Шура с легкой завистью выслушала шутливый ответ сестры. Сама она, когда ей говорили комплименты, только смущалась, и ей никогда не удавалось так легко и быстро придумать какую-нибудь остроумную фразу.

Хотя, вообще-то, ей и комплименты приходилось слушать не слишком часто, ведь до сих пор она числилась ребенком, а не светской барышней, как Валентина. Может, со временем она все-таки приобретет достаточно лоска, чтобы не смущаться, когда к ней обращаются.

Тем временем в дверях появился хорошо знакомый Шуре молодой человек в парадном мундире, и она затаила дыхание в радостном предвкушении того, что сейчас увидит. Вот он подошел, поклонился хозяевам, легко коснулся руки Валентины... Та обернулась, и глаза ее засияли.

– Костя! – Впрочем, ей удалось тут же взять себя в руки и церемонным тоном произнести: – Петр Андреевич, позвольте представить вам Константина Петровича Клодт фон Юргенсбурга.

– Мы знакомы с бароном. – Молодые люди обменялись рукопожатиями, и Петр, проявив неожиданную для Шуры осведомленность, добавил: – Вы разрешите поздравить вас с приближающимся событием, – он бросил выразительный взгляд в сторону Валентины.

Она залилась румянцем, став от этого еще красивее, а Константин, с обожанием поглядывая на невесту, сообщил, что официальное оглашение помолвки будет сделано в ближайшее время.

– Возможно, мы чересчур торопимся, но мой отпуск скоро закончится...

– Вы правильно делаете, – согласился Петр Андреевич. – Когда идет война, не стоит тратить время на формальности. Жизнь слишком непредсказуема.

Валентина подавила вздох, и Шура вспомнила, как та вчера во внезапном порыве откровенности, так непохожей на ее обычную скрытность, призналась, что больше всего на свете ей хотелось бы вообще обойтись без помолвки, а пожениться побыстрее. И даже сказала, что жаль, мол нельзя просто зайти в первую попавшуюся церковь и обвенчаться, приходится выполнять все положенные формальности, выжидать несколько месяцев помолвки, готовить приданое.

«Боже, ну кому это сейчас нужно? – говорила Валентина с непривычной горячностью. – Люди погибают каждый день, а мы все держимся за условности, соблюдаем формальности, тянем время, как будто собираемся жить вечно!» А Шура растерянно смотрела, как сестра нервно сжимает тонкие руки, как ее чистый лоб прорезает морщинка, и чувствовала, что ей становится страшно. Валентина, ее Валентина, всегда такая уверенная, спокойная и надменная, всегда так строго соблюдающая правила. Что с ней стало? Неужели она так сильно любит Костю? И неужели любовь так сильно влияет на человека, что ломает его, заставляет бояться будущего?

Оркестр тем временем ненадолго замолчал, а потом дирижер вновь взмахнул палочкой, и по зале полилась мелодия вальса. Сладкая, тягучая, задевающая сокровенные душевные струны. Она обволакивала и качала, словно морские волны. От такой музыки хотелось плакать и улыбаться сквозь слезы.

Валентина и Костя, не говоря ни слова, обменялись взглядами, а потом ее рука легла на его погон, и они закружились в медленном томном вальсе, уносящем их куда-то в их собственный мир, существующий только для них двоих.

Петр Андреевич как раз перед этим тоже отошел и о чем-то заговорил с Шуриным отцом, а она осталась стоять на месте, ощущая себя одной-одинешенькой на всем белом свете. Конечно, она понимала, что это неправда, это всего лишь самообман, порожденный берущими за душу рыданиями скрипок и несбывшимися девичьими фантазиями.

Чего она ждала от этого бала? Что к ней, как к Наташе Ростовской, через весь зал подойдет красавец-офицер, пригласит ее на вальс и она полюбит его на всю жизнь? Но ведь это глупости, в жизни так не бывает! Да и в романах тоже ничем хорошим не заканчивается.

Шура вскинула голову, заставляя себя держаться прямо. Еще бы улыбнуться, чтобы придать себе уверенный вид, словно ее и не беспокоит, что другие девушки кружатся в этом чудесном вальсе, а она стоит одна как неприкаянная. Но она боялась, что улыбка получится слишком жалкой и только выдаст ее внутреннее смятение и неуверенность в себе.

Она еще выше подняла подбородок и с делано-равнодушным видом окинула взглядом группу людей неподалеку. Все лучше, чем смотреть на танцующих и завидовать. Какая-то очень элегантная молодая дама показалась ей знакомой, но разглядывать было неудобно, да и к тому же та как раз подала руку кавалеру и уплыла с ним в упоительном кружении вальса.

Шура скользнула делано-равнодушным взглядом по нескольким офицерам, но тут один из них вдруг обернулся, словно что-то почувствовал, и она, встретившись с ним глазами, вздрогнула, как от электрического тока. Сердце пропустило удар.

Несколько мгновений они, нарушая все приличия, смотрели друг на друга не отрываясь. Мир застыл. Казалось, музыка замолчала, пары остановились, все кругом исчезло, провалилось куда-то в бездну, свет потемнел. Не было ничего и никого, кроме высокого молодого человека, чей огненный взгляд проникал в самое ее сердце.

Сеит.

А она-то самоуверенно считала, что сумела его забыть.

Забыть? О, нет, она помнит все до последней детали. Скрип снега под сапожками, далекий перезвон колоколов, щиплющий щеки мороз, жар натопленной комнаты, стук захлопнувшейся двери и... обжигающий губы поцелуй...

– Александра, – голос отца прорвался сквозь окутывающий ее туман и заставил вернуться к реальности. Шура очнулась от оцепенения и повернулась, надеясь, что ее щеки не слишком пылают.

– Да, папа.

– Ты знакома с поручиком Ивашковым?

Смутно знакомый молодой человек поклонился и сказал что-то о том, что учился вместе с ее братом. Шура кивнула и произнесла несколько приличествующих случаю вежливых слов, краем глаза успев заметить, что Сеит отделился от группы офицеров, сделал несколько шагов в ее сторону, но остановился.

Боже, а если он подойдет? Что ей делать? Изобразить, что не узнала? Или узнать и вежливо поздороваться, как с любым другим знакомым? А сумеет ли она держаться спокойно и естественно, если у нее и сейчас при виде него сердце бьется как сумасшедшее? Что же будет, когда он подойдет, заговорит...

Она вдруг испуганно сообразила, что этот молодой человек, как его там... Ивашков – что-то говорит ей. Господи, как он не вовремя явился. Чего он от нее хочет?

Шура попыталась сосредоточиться – ведь слышала же она хоть слово из того, что он сказал. Танец? Ну конечно, он приглашает ее на танец! Теперь она уже посмотрела на поручика с искренней благодарностью и, улыбнувшись, протянула руку.

– Буду очень рада.

Она на самом деле была рада, и не только тому, что он пригласил ее танцевать, чего она конечно же хотела, как любая другая девушка. Но главное, этот танец сейчас должен был

помочь ей развеять туман, в который ее погрузила неожиданная встреча с Сеитом, успокоить, дать возможность сохранить лицо, наконец.

Ивашков танцевал довольно хорошо, держал ее ловко, вел за собой и одновременно успевал поддерживать легкий, ни к чему не обязывающий разговор. Шура в ответ рассеянно улыбалась, все еще во власти своих мыслей, воспоминаний и сомнений, но постепенно успокаиваясь и приобретая прежнюю если не уверенность, то хотя бы сдержанное достоинство.

Если бы еще Сеит не танцевал всего в нескольких шагах от нее и она не встречала то и дело его пылающий взгляд. А ей ли этот взгляд предназначен? Два года назад в Москве он и не думал так на нее смотреть. Тогда она была для него всего лишь ребенком, младшей сестрой красавицы Валентины. Все, что между ними произошло, – лишь прихотливая игра случая, не более. Он, наверное, ни разу и не вспоминал о ней за эти годы.

Или вспоминал? Чему верить – доводам рассудка или этому настойчивому взгляду?

Скрипки издали последний жалобный стон. Вальс закончился. Шура с усилием улыбнулась своему кавалеру, в то время как в груди у нее все трепетало. Сейчас Сеит к ней подойдет, возможно, пригласит на следующий танец, а она все еще не решила, как себя с ним вести и что говорить.

Она словно ненароком оглянулась. Да, вот он отвел на место свою даму, повернулся, нашел ее глазами и решительно направился в ее сторону...

– Вы позволите пригласить вас на следующий танец?

Шура вздрогнула. Перед ней стоял уже не Ивашков, а Петр Бобринский. Ну как бы ей отказаться?! Она бросила отчаянный взгляд в сторону Сеита и увидела, как его на пол пути перехватил какой-то офицер. Ей не было слышно, о чем они говорят, но зато она ясно увидела, как помрачнело его лицо. Он сразу же словно забыл и о ней, и обо всем остальном, резко развернулся, и они вместе с тем офицером быстрым шагом направились к двери.

Ушел. А она уже себе нафантазировала каких-то сказок. Шура сдержала вздох и с улыбкой протянула Бобринскому руку.

– С огромным удовольствием.

Глава 2

Экспроприация

– Не лучшее это время для выхода в свет, – негромко сказал Юлиан Матвеевич, глядя сквозь стекло в закрытом экипаже на безлюдную улицу.

Он внезапно почувствовал себя нехорошо и решил откланяться, хотя бал у Бобринских был еще в самом разгаре. Обеспокоенные дочери собирались поехать с ним, но он уверил их, что ничего страшного, просто в его возрасте и с его состоянием здоровья светскими развлечениями лучше не злоупотреблять.

В конце концов было решено, что он уедет, а Валентину после бала привезут домой родственники Кости. Шуру тоже уговаривали побыть на балу подольше, но она не хотела оставлять отца одного, и к тому же у нее в отличие от сестры не было личных причин, чтобы задерживаться.

Она так и объяснила: это Валентину нехорошо лишать возможности побыть еще часик-другой с любимым женихом, они так давно не виделись. А для нее этот бал – всего лишь бал, будут и другие.

Было, конечно, и то, что она не сказала. После ухода Сента краски словно поблекли, а музыка стала скучной. И ведь она вовсе не ожидала, что он там будет, не думала о нем, а стоило ему появиться, и все остальное стало неважным и неинтересным.

Так и получилось, что Шура на самом деле покинула свой первый бал без малейших сожалений и теперь сидела в экипаже напротив отца, стараясь сохранять безмятежный вид и не показывать своего беспокойства из-за его недомогания.

– Не лучшее сейчас время для развлечений, – задумчиво повторил Юлиан Матвеевич в ответ на ее вопросительный взгляд. – Я понимаю, твоя матушка права, жизнь должна идти своим чередом даже в войну, но все же... – Он покачал головой. – В Петрограде и Москве перебои со снабжением, солдаты дезертируют с фронта, рабочие недавно опять устраивали стачку и демонстрации, которые пришлось солдатам разгонять. А мы на балах танцуем. Стоит ли удивляться тому, что простой люд смотрит на нас с негодованием.

Он говорил так серьезно и печально, и на лице его была видна такая серьезная озабоченность, что Шуре передалась его тревога. О стачках и демонстрациях она знала мало, барышням о таких вещах рассказывать не принято, но об усталости от войны уже говорили даже в светских салонах. Она, правда, не знала, к чему это может привести, но подозревала, что волнения среди рабочих тоже с этим связаны.

– Быть может, нам не стоит надолго задерживаться в Петрограде. – Она взяла отца за руку. – Послушаем, что скажет профессор Егоров, и вернемся домой. Мамино желание выполнено, в свет меня вывели.

– Всего на один бал.

– А зачем больше? Ты ведь прав, не время сейчас. Война, и ты болеешь... как-то не до балов. – Шура постаралась улыбнуться. – И я не такая уж старая, могу выехать в свет и в следующем году. Не обязательно в Петрограде, можно и в Москве.

Юлиан Матвеевич вновь посмотрел в окно, на освещенную электрическими фонарями набережную и пробормотал:

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Он задумчиво замолк, но Шура тут же подхватила:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит...

Они одновременно улыгнулись, как улыбаются люди, которым не нужны лишние слова и пояснения, чтобы понять друг друга. Их семейная традиция подхватывать на середине строфы какую-нибудь пушкинскую цитату была едва ли не старше самой Шуры.

Ах, как ей хотелось бы, чтобы они приехали в Петроград по какому-нибудь другому поводу! Чтобы отец был здоров и можно было шутить без постоянного затаенного страха: а вдруг ему опять плохо, вдруг он просто старается не пугать родных, а на самом деле пре-возмогает боль.

Экипаж вдруг резко остановился, прерывая ее размышления. Причем так резко, что Шура с отцом едва не попадали с сидений и вынуждены были схватиться за стены.

– Что случилось? – Юлиан Матвеевич сердито распахнул дверцу и замер.

Выглянувшая из-за его плеча Шура тихо ахнула.

На них был направлен револьвер.

– Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, и я обещаю – никто не пострадает. – Владелец револьвера говорил вежливо, хоть и глуховато, видимо потому, что его лицо было до самых глаз скрыто шарфом.

Судя по выговору, он был человеком хорошо образованным и даже светским, да и пальто на нем было самого модного покроя. Возможно, поэтому продолжение фразы прозвучало особенно неожиданно:

– Это экспроприация в пользу народа. Мы возьмем деньги и уйдем, а вы сможете продолжить свой путь.

Два человека за его спиной выразили поддержку этой речи громкими смешками. Они были тоже вооружены револьверами, и их лица, так же как и лицо главаря, прикрывали замотанные почти до самых козырьков шарфы, но в отличие от него вид у них был откровенно бандитский.

– Молодой человек, – Юлиан Матвеевич говорил не менее спокойным тоном, хотя Шура чувствовала в его голосе нотки сдерживаемого гнева, – мы, разумеется, вынуждены подчиниться силе. Но надеюсь, вы тоже будете благоразумны.

Грабитель усмехнулся, элегантно жестом пригласил их выйти из экипажа и даже заботливо придержал Шуру за локоть, когда она поскользнулась на обледенелых булыжниках мостовой.

Один из бандитов сразу залез в экипаж и начал его осматривать. Юлиан Матвеевич по-прежнему вежливо, словно разговаривал с хорошим знакомым на деловой обеде, обратился к главарю, который, не выпуская револьвера, быстро и ловко обыскивал его:

– Позвольте выразить некоторое недоумение: неужели народу настолько необходимы мои часы и жемчуг моей дочери?

– Полноте, барон, – укоризненно сказал грабитель, вынимая из кармана его пальто газету, бумажник и пару писем, – умеете проигрывать. Нам известно, что два часа назад вы забрали из банка сто...

– Барон? – прервал его Юлиан Матвеевич. – Должен разочаровать вас, господа, но я не обладаю этим титулом. Да и каким-либо другим титулом тоже.

Тем временем человек, осматривавший экипаж, вылез наружу.

– Ничего нет!

– Ты уверен? – Теперь голос главаря звучал уже не весело и расслабленно, а холодно и четко, да и сам он вдруг словно собрался, готовый к любым неожиданностям.

– Точно нет. Я такие кареты сто раз обыскивал, там ничего не спрячешь.

– Боюсь, вы ошиблись экипажем, – вежливо сказал Юлиан Матвеевич. – Надеюсь, теперь нам будет позволено продолжить путь?

Главарь грабителей помедлил, видимо, раздумывая, но не успел ничего сказать, потому что из-за угла выскочил запыхавшийся человек и завопил:

– Шухер!

Значения этого слова Шура не знала, но бандитов сразу же как ветром сдуло. Остался только главарь – в отличие от остальных он почему-то не торопился бежать. Наоборот, он сделал быстрый шаг к экипажу, схватил Шуру под руку, и она почувствовала, как ей в бок ткнулся револьвер.

– Садимся и продолжаем путь, – все тем же вежливым тоном сказал он. – Если остановят – я ваш старый добрый друг, которого вы любезно подвозите до дома. И скажите кучеру, чтобы помалкивал для вашего и его блага.

Он кивком указал на экипаж, пропустил вперед Юлиана Матвеевича, а потом сел сам, продолжая держать Шуру на прицеле.

– Если вы причините вред моей дочери... – дрожащим от негодования голосом начал Юлиан Матвеевич.

Но грабитель прервал его:

– Как я уже сказал – будьте благоразумны, и никто не пострадает.

Дверца захлопнулась, но проехали они совсем немного – послышался дробный перестук копыт, их окружили несколько всадников в военной форме, и кто-то крикнул:

– Вон они, по улице бегут! Держи! А мы проверим экипаж!

Главарь грабителей быстро опустил вниз шарф и передвинул руку так, чтобы не было видно оружия. Шура, несмотря на всю опасность происходящего, не смогла сдержать любопытства и бросила быстрый взгляд на его лицо. Оно оставалось в тени, но в общем-то разглядеть было можно.

К ее удивлению и даже некоторому разочарованию грабитель оказался совершенно обычным человеком. Не было в его лице ни «каиновой печати», ни какого-то злодейского выражения, да и любители физиогномики вряд ли смогли бы найти в нем подтверждение своих теорий. Обыкновенный, довольно симпатичный мужчина, похожий на инженера или чиновника, но никак не на преступника.

Дверца распахнулась. Юлиан Матвеевич с тревогой посмотрел на Шуру и громко сказал то, что и должен был бы сказать на его месте почтенный обыватель, возмущенный тем, что его карету остановили:

– В чем дело, господа?

– Прошу извинить нас за вторжение, но мы разыскиваем сбежавших преступников.

Шура едва сдержалась, чтобы не ахнуть. Сеит! Ко всем странностям и неожиданностям сегодняшнего вечера добавилась еще одна. Ее сердце забилось быстрее, и она в попытке успокоиться прикусила нижнюю губу. Да еще грабитель, кажется, что-то заметил и даже тихо усмехнулся.

Юлиан Матвеевич искренне удивился:

– Поручик Эминов?

– Господин Верженский? – Сеит растерянно оглядел экипаж, и Шуре даже показалось, что при виде нее в его взгляде мелькнуло что-то особенное. – Александра Юлиановна, мое почтение.

Шура склонила голову, стараясь скрыть тревогу, когда он перевел взгляд на их спутника. Почему-то она не сомневалась, что если вдруг что-то пойдет не так, первый выстрел будет не в нее, а в Сента. Господи, спаси!

– Барон Крофт, – представился грабитель без малейшего смущения. – Так кого вы ищете, поручик? Не думал, что охота за преступниками входит в обязанности офицеров Крымского конного полка.

Шура с облегчением увидела, что Сеит слегка улыбнулся. И хотя улыбка его тут же вновь сменилась серьезностью, стало ясно, что ничего подозрительного он в их спутнике не увидел.

– Мы выполняем поручение Великого князя Дмитрия Павловича. Вам должно быть известно, что после октябрьских стачек он начал оказывать помощь петроградскому градоначальнику в поддержании порядка.

– А кого вы ищете? – без малейшего смущения поинтересовался «барон Крофт».

– Банду грабителей.

– О, так мы в опасности!

– Маловероятно, – качнул головой Сеит. Его взгляд то и дело останавливался на Шуре, что, кажется, смущало не только ее, но и его самого. – Они должны были поджидать карету одного банкира, перевозящую крупную сумму денег. Нам удалось перехватить их информатора и...

Шура поспешно прервала его:

– Простите, поручик, но я так устала и замерзла. Если мы не угрожаем правопорядку, возможно, вы позволите нам продолжить путь?

Она сама удивлялась своей смелости и тому, что ее голос даже ни разу не дрогнул. Но нельзя же было позволить ему рассказать грабителю все секреты.

– Прошу прощения, вы, конечно, правы. – Ей показалось, что Сеит даже чуть смутился. – Впрочем, ездить без охраны по ночам сейчас и правда рискованно. Я дам вам сопровождающего. Доброго пути.

Он поклонился, закрыл дверцу, и экипаж тронулся. На сей раз они без дополнительных приключений добрались до дома, где поблагодарили и отпустили отправленного их сопровождать конного унтера. Когда перестук копыт затих, молчавший остаток пути грабитель весело сказал:

– Что ж, позвольте и мне откланяться. Александра Юлиановна, надеюсь, вы извините меня за причиненные неудобства. – Он многозначительно поднял револьвер и неожиданно улыбнулся. – Но поверьте, я никогда бы не убил такую прекрасную девушку.

Он так быстро растворился в ночном тумане, окутывающем Петроград, что ни Шура, ни ее отец не успели ничего сказать в ответ. Вот только что стоял человек, и его уже нету. И лишь зайдя домой и сняв пальто, Юлиан Матвеевич сообразил:

– Этот мерзавец унес все мои бумаги! Те, что вытащил, когда меня обыскивал!

– Там было что-то важное?

– Кажется, нет... – Юлиан Матвеевич устало опустил в кресло. – Всего пара деловых писем и одно мое, довольно личное. Забыл отправить, сунул в карман по привычке и заметил уже, только когда надевал пальто у Бобринских. Ну да ладно, это дело поправимое, завтра перепишу его заново. И надо будет пригласить к нам поручика Эминова – мы обязаны рассказать ему правду об этом лже-бароне.

Шура поспешно кивнула.

– Да, папа, ты совершенно прав.

Кажется, ей даже удалось не покраснеть при упоминании имени Сеита. Но усталость и тревогу сразу как рукой сняло. Завтра она его снова увидит! Ради этого стоило прокатиться в карете с грабителем. Тем более это ведь не нанесло им никакого ущерба.

По крайней мере, тогда она так думала.

Глава 3

Приглашение примы

– Тина, послушай. – Шура заглянула в комнату старшей сестры. – Фрейлина Тютчева, сравнивая Москву с Петроградом, писала: «В Петербурге (это было еще до переименования, конечно) все либо военные, либо чиновники... все носят мундир, все куда-то спешат, кому-то хотят услужить, кому-то подчинены. Москва, наоборот, город величайшей свободы, безалаберности; здесь не любят стесняться, любят свои удобства. Это проявляется во всем: в пестроте толпы, в костюмах самых разнообразных фасонов и цветов, в устарелых дамских модах, в причудливой и своеобразной упряжке экипажей, в уличном шуме и движении... Москва – город полнейшего досуга. Здесь каждый живет для себя, согласно своему удобству».

– Очень полезная информация с утра пораньше. – Валентина сладко зевнула. Она еще не поднималась с постели, что было неудивительно – они с Клодтами уехали с бала в числе последних, и спать она легла уже под утро. – Но что касается безалаберности, я согласна. В Петрограде даже сейчас куда больше порядка, чем в Москве было до войны. А что это ты такое читаешь?

– Воспоминания фрейлины Тютчевой «При дворе двух императоров». Папа посоветовал.

– Странный выбор. – Валентина окончательно проснулась и, взяв гребень, принялась осторожно расчесывать спутанные медные кудри. – Тютчева вроде бы славя-нофилка, а папа их не очень жалует.

– Он сказал, что разумный человек должен ознакомиться со всеми точками зрения и обо всем составить свое собственное представление, – рассеянно пояснила Шура, поскольку ее внимание отвлек шум на улице. Неужели это уже Сеит? Она выглянула в окно, но это оказался всего лишь экипаж, остановившийся у соседнего дома.

Валентина опустила гребень и с интересом посмотрела на младшую сестру.

– Ты кого-то ждешь?

– А? Что? – Шура смутилась. – Да, папа отправил записку к одному знакомому, чтобы тот заехал к нам, как только сможет. Ты не представляешь, что вчера произошло...

Но Валентина ее уже не слушала:

– Мы ждем гостей, а я не одета! Что же ты раньше не сказала? – Она торопливо позвонила, и Шура предпочла побыстрее ретироваться, уступая место прибежавшей горничной.

Так даже лучше, пусть Валентина узнает все от отца, а не от нее. Ей почему-то всегда казалось, что стоит заговорить с сестрой о Сеите, как та сразу догадается о ее чувствах.

Она вернулась в свою комнату и следующие полчаса рассеянно листала мемуары Тютчевой, прислушиваясь к каждому звуку. Мысли ее уносились то на два года назад, в Москву, то возвращались ко вчерашнему приключению. А ведь кто бы мог подумать, что наутро после своего первого бала она будет думать не о нем, а о каких-то других событиях.

Внизу резко затрещал дверной звонок. Задумавшаяся Шура подскочила от неожиданности и подбежала к окну. Мелькнувший у парадной двери мундир заставил ее сердце забиться быстрее. Сеит!

Она поспешно глянула в зеркало, убрала выбившийся локон, расправила складки на очень идущем ей голубом платье и чинно вышла из комнаты, хотя ей стоило большого труда спуститься на первый этаж спокойным шагом, а не бежать, перепрыгивая через две ступеньки. Она подготовила все – выражение лица, улыбку, приветственные слова, но...

В гостиной ее ждало страшное разочарование. Офицер, стоявший у камина, повернулся, и она узнала поручика Ивашкова.

Шура огорчилась почти до слез. Конечно, это было глупо, ведь Сеит все равно должен прийти, просто, наверное, он появится немного позже. Но она так настроилась, так ждала, так хотела провести хотя бы пять минут с ним наедине, прежде чем спустятся отец и Валентина...

Умом она понимала, что это не повод расстраиваться и уж тем более Ивашков ни в чем не виноват, но все же ей едва хватило сил, чтобы не расплакаться.

Она вежливо ответила на приветствие и предложила ему сесть, мысленно ругая себя за поспешность. Теперь ведь и не уйдешь, это невежливо, надо развлекать гостя до прихода отца. Только она не знала, о чем с ним говорить, ведь они только вчера познакомились, и это знакомство ограничилось одним-единственным танцем.

Воспоминание о танце улучшило ее настроение. Все-таки это был ее первый танец на первом балу, а Ивашков – ее первым кавалером. Шура улыбнулась уже с большей искренностью и спросила:

– Как вам понравился вчерашний бал?

– Это был самый прекрасный бал в моей жизни.

Ивашков говорил, а главное – смотрел так серьезно, что Шура смутилась. Обычный светский разговор приобретал какой-то чересчур личный оттенок, которого она вовсе не желала. К счастью, в этот момент в гостиную вошли отец с Валентиной, и конфузующей ситуации удалось избежать.

Оказалось, поручик приехал передать им приглашение в театр, на премьеру новой версии балета «Жизель».

– Это, несомненно, приятная неожиданность, – Юлиан Матвеевич растерянно повертел в руках пропуск в ложу бельэтажа, – но...

– Это подарок не от меня, – поспешил пояснить Ивашков. – Я выполняю лишь роль посланника. А приглашает вас госпожа Чупилкина, новая любимица Дягилева и, надеюсь, новая прима Мариинского театра. Если не ошибаюсь, она ваша дальняя родственница?

– Таня?! – ахнула Шура.

– Не такая уж и дальняя, – проворчал Юлиан Матвеевич. – Я и не знал, что она уже вернулась из Соединенных Штатов.

На лице его явственно отразилось сомнение, как, впрочем, и на лице Валентины. Шура, заметив это, сильно расстроилась, но почти не удивилась. Татьяна Чупилкина, в недавнем прошлом воспитанница Петроградской балетной школы, действительно была им родней. Точнее, родней Екатерине Васильевне Верженской.

Но во-первых, она являлась незаконнорожденной (почему и оказалась в балетной школе), а во-вторых, с тех пор как она пошла на сцену, Екатерина Васильевна решительно отказалась поддерживать с ней знакомство.

Шура тогда наивно спросила мать, почему это ее так рассердило, ведь она сама согласилась отдать Татьяну в танцевальную школу и принимала ее у себя на каникулах. В ответ услышала длинную лекцию о том, что учиться танцевать – вполне прилично, а выступать на сцене – позор, что все артистки, а тем более балерины – падшие женщины и что порядочным барышням вообще не положено задавать такие вопросы. Родители лучше знают, что хорошо, а что плохо.

Потом до них доходили слухи об успехах Тани Чупилкиной, о том, что ее заметил сам Дягилев и взял в труппу для участия в «Русских сезонах», о ее триумфе за океаном в далекой Америке, и, наконец, об интересе, который к ней проявляет Великий князь Дмитрий Павлович.

Шура жадно ловила все обрывки информации о лучшей подруге своего детства, но надежд снова с ней встретиться почти не питала. Екатерина Васильевна была непреклонна, ее не поколебало даже упоминание имени Великого князя, хотя обычно авторитет членов Царской семьи был для нее превыше всего на свете.

Юлиан Матвеевич не всегда разделял взгляды жены, можно даже сказать, что в их семье он представлял либеральное крыло, а она – консервативное. Но и спорить с ней он не любил. Поэтому, к великому сожалению Шуры, знакомство с Таней их семейство не обновляло.

Однако сейчас, к ее удивлению и радости, он вдруг заявил:

– Передайте госпоже Чупилкиной нашу искреннюю благодарность. Я, к сожалению, по состоянию здоровья не смогу принять ее приглашение. Но не сомневаюсь, что Валентина и Александра будут счастливы посетить премьеру в сопровождении барона Клодта. Не так ли? – Он вопросительно посмотрел на дочерей.

Шура, конечно, была в восторге, о чем тут же и сообщила. Валентина, может быть, и возразила бы, она всегда старалась придерживаться тех же взглядов, что и мать, но упоминание Константина ее обезоружило. Отказаться от возможности съездить в театр с любимым женихом? Да ни за что на свете! Поэтому она поспешила согласиться с отцом, пусть и довольно сдержанно.

Поручик Ивашков, довольный результатами данного ему поручения, заговорил о балете, в котором, похоже, хорошо разобрался, упомянул, какой успех у американцев Татьяна Чупилкина имела в «Весне священной» Стравинского, но тут как раз снова зазвонил дверной звонок, и горничная доложила о новом госте:

– Поручик Эминов.

Сердце Шуры радостно забилося, и она лишь усилием воли заставила себя сохранить спокойно-доброжелательное выражение лица и встретить Септа холодным вежливым взглядом. Кажется, она даже перестаралась – пока он после обязательных вежливых приветствий объяснял Юлиану Матвеевичу причину своего опоздания, Валентина успела сердито прошептать ей на ухо, что негоже так демонстрировать человеку свою неприязнь, особенно если он пришел по приглашению отца.

Сеит тем временем рассказал об очередных волнениях в Петрограде, к счастью, не слишком серьезных, и сказал, что по мнению Великого князя Дмитрия Павловича они напрямую связаны с серией недавних крупных ограблений.

– Кстати, вчера вы кого-нибудь поймали? – поинтересовался Юлиан Матвеевич.

– Только мелкую сошку, – с сожалением признал Сеит. – Вряд ли мы от них хоть что-нибудь узнаем, это всего лишь наемные исполнители, обыкновенные бандиты. Всем командовал некий «Учитель».

– Своеобразное прозвище, – пробормотал Юлиан Матвеевич.

Шура мысленно с ним согласилась. Хотя странному вчерашнему грабителю, о котором, видимо, и шла речь, оно, пожалуй, подходило. Было в нем некоторое менторство, снисходительный взгляд, каким учителя часто смотрят на неразумных учеников.

– Полагаю, это партийный псевдоним, – вдруг подал голос до сих пор помалкивающий Ивашков.

После прихода Сеита, с которым они оказались хорошо знакомы, он несколько замкнулся, а сейчас заговорил как будто слегка с вызовом. Шура сначала не поняла причины такой перемены тона, тем более что поручик был даже не в курсе вчерашнего происшествия. Но когда Септ ответил ему таким же вызывающим взглядом, стало ясно – между ними какие-то свои счеты и их знакомство вовсе не безоблачное.

– А тебе опять всюду революционеры чудятся?

Ивашков вспыхнул от такого снисходительного тона, но сдержался и сухо ответил:

– Хотя я в отличие от тебя и не вхож в полицейские круги, но даже мне известно, что ограбленные в один голос утверждают: грабители говорили об «экспроприации».

Было заметно, что Сеиту не слишком понравились выделенные им слова о «полицейских кругах», и, видимо, в отместку его тон стал еще снисходительнее:

– Все левые партии еще до войны официально заявили, что осуждают так называемые «экспроприации». Это термин периода разгула эсеровского террора. Сейчас другие времена.

– И чем же они другие? – не уступал Ивашков. – Партии остались те же, даже руководители у многих не сменились. Ты действительно веришь, что они изменили свои взгляды?

Сеит покачал головой:

– Я верю, что они не посмеют пойти против мнения своих же сторонников.

– Большевики посмеют.

– Эта кучка сумасшедших клоунов, мечтающих о мировой революции? – Сеит со смешком пожал плечами, хотя Шура показалось, что он на самом деле сильно обеспокоен.

– Такие же сумасшедшие клоуны, как ты их называешь, в Французскую революцию отрубили голову королю, – жестко сказал Ивашков. – И чем размахивать лозунгами о вере, Царе и Отечестве, Великим князьям и прочим приближенным к трону стоило бы вспомнить уроки истории и заняться реформами.

– Господа, господа, – торопливо вмешался Юлиан Матвеевич, – оставим политические споры до более подходящего места и времени. – Он выразительно посмотрел на дочерей, словно говоря: «не при дамах».

Оба офицера опомнились и разом начали извиняться. Разговор на этом так и закончился, поручик Ивашков предпочел откланяться, но у Шуры осталось ощущение, что они готовы были рассориться не на шутку.

Она поделилась этим наблюдением с Валентиной днем, когда они обе собирались на прогулку. Но та лишь отмахнулась:

– Бога ради, Шура, не говори глупостей! Они дворяне и офицеры, разве они будут ссориться из-за такой ерунды, как политические партии? Разумеется, они оба преданы Государю и Отечеству.

– Но поручик Ивашков... – начала было Шура.

– Он просто увлечен современными конституционными идеями. Между прочим, это очень модно. Не всем же быть такими консерваторами, как поручик Эминов.

Шура смутилась. Валентина говорила так уверенно и к тому же всегда была куда более практичной, чем она, и не позволяла себе увлекаться разнообразными фантазиями и предположениями. Но на всякий случай она все же уточнила:

– Так ты считаешь, что эти споры ничего серьезного не значат?

Сестра снисходительно потрепала ее по руке.

– Разумеется ничего серьезного! Ты же наверняка помнишь, как папа спорил с графом Бобринским касательно результатов земельной реформы покойного господина Столыпина? Они год переписывались, и после каждого письма папа буквально рвал и метал. И ничего, они по-прежнему друзья. Так что не забивай голову подобной ерундой, политика – это всего лишь увлекательная мужская игра, ничего более.

Нельзя сказать, чтобы слова Валентины полностью ее успокоили, но все же Шура решила последовать ее совету и не забивать голову лишними размышлениями. Тем более ее куда больше любых политических споров интересовал разговор, который был у них с Сеитом после ухода поручика Ивашкова.

Отец в подробностях рассказал о том, что на самом деле произошло прошлой ночью и кто сидел с ними в карете. И Шуру очень обрадовало негодование Сеита, когда он услышал, что грабитель держал ее под прицелом револьвера и угрожал застрелить, если они с отцом его выдадут.

– Мерзавец! – Его голос даже задрожал от сдерживаемой ярости. – Когда я до него доберусь, он пожалеет, что на свет родился! – Он помолчал, видимо стараясь взять себя в руки. – Благодарю вас за то, что все мне рассказали, я передам эти сведения кому следует, это очень поможет в поисках преступника. И позвольте поблагодарить Александру Юлиановну: вы держались превосходно и не позволили мне сказать лишнее при этом негодяе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.